

Аида Аренс-Серебрякова

Прозаик. Родилась в 1971 году в небольшом шахтерском городке Нелидово Тверской области. В 1988 году окончила среднюю школу № 14 (Коми АССР, город Воркута, пос. Воргашор). В 1998 году окончила Великолукскую Государственную сельскохозяйственную академию (ВГСХА). Работала старшей пионервожатой, секретарем, оператором абонентского отдела на АТС, продавцом, официантом, барменом, уборщицей, менеджером по продаже спецтехники, инженером редакционно-издательского отдела ВГСХА. Дебютная прозаическая публикация — в журнале «Аврора» (2022).

Письмо из папки спама

Это письмо обнаружилось случайно в папке спама. Адрес незнакомый. Тема не указана. Без подписи.

«Нина Витальевна приветствует вас! Она сейчас у меня в гостях. Мы разыскали девочек с вашего класса, а они дали ваш эл. адрес ответьте пожалуйста!»

Я перечитывала и перечитывала, пока все-таки не догадалась, что имя-отчество в начале письма — не мое, а моей классной дамы. Мы с ней тезки. Нина Витальевна наверняка текст этого письма не видела, иначе исправила бы предлог, расставила бы запятые...

Я прикинула, сколько ей сейчас лет, и поняла, что далеко за семьдесят, может, и компа своего у нее нет, и нет электронной почты. Дата отправления... Уже месяц лежит это послание в папке спама! Я тут же, не раздумывая, написала:

«Нина Витальевна! Я очень рада, что Вы меня разыскали!»

Ну, и дальше — тезисно: все у меня хорошо, работаю экономистом, замужем, дети. Отправила и села ждать... Предвкушала предстоящее общение. Даже мужу рассказала:

— Мне от нашей классной дамы привет передали. Представляешь, разыскала меня! Лет двадцать пять мы с ней не общались.

— Ты же не любишь все эти школьные сборища, — напомнил муж.

— Не люблю, это верно. Но наша классная особенная!

— А почему же ты ни разу за эти годы не написала ей? — спросил муж.

— Мы еще в школе общаться перестали. Ей не нравилось, что я дружу с ее сыном. Мы были совсем детьми. Я так и не поняла, почему она запретила мне приходиться...

Я ждала письма. Тянулись дни, полетели недели, прошел месяц. Наконец, я решила, что ждать бесполезно.

Но уже нахлынули воспоминания. Как на фотобумаге в проявителе проступили туманные контуры, потом они стали темнее, четче, наполнились сочным сентябрьским золотом, зазвенели детскими голосами...

Вот я в четвертом классе: длинные рыжие косички (ребята меня звали «рыжая-бесстыжая»), форменное платье, белый фартук с оборками. Мы сидели в кабинете русского языка и литературы. Вошла наша новая учительница Нина Витальевна Горюнова — строгая, чернобровая, статная. Красивые черные волосы уложены в замысловатую высокую прическу. Васильковое платье с белым воротничком и пронзительно-синие глаза. Глаза ее мне никогда не забыть — она глазами улыбалась. Мы робели, сидели тихо-тихо, сложив руки на партах перед собой. Нина Витальевна вела урок литературы, читала стихи красивым бархатным голосом, потом присела за стол и ласково обратилась к мальчику за первой партой:

— Митя, спустись, пожалуйста, на первый этаж, принеси мне из буфета стакан сладкого чая. Ты скажи, что для меня. Они там знают...

Буфетчица действительно знала. И все в школе знали, и теперь узнали и мы, что у классной дамы язва, и ей нельзя волноваться.

А потом нас отправили в колхоз, и мы радовались отмене уроков, собирали картошку и наслаждались осенним солнцем. Нина Витальевна ловко развела костер и позвала нас печь картошку. Мы уселись в кружок и смеялись над всякими пустяками. А соль была в коробке из-под спичек, крупная, серая. Мы лакомились картошкой, и Классная вспомнила песенку: «Ах, картошка, ты картошка! Пионеров идеал!» Потом мы играли в «Ручеек» и «Гори-гори ясно». В голове моей крутилось: «Взвейтесь кострами, синие ночи!» — искры от костра летели в темное небо...

В другой раз мы изучали лесочек возле картофельного поля. Оказалось, многие ребята не умеют различать деревья, только ель и березу. А Нина Витальевна стала рассказывать о каждом дереве, о его листьях, корнях и полезных свойствах. Пока мы гуляли, она читала стихи так, словно это и не стихи вовсе, а первое, что ей приходит на ум.

А потом наступила первая, очень длинная, как мне запомнилось, зима. Уроки, которые казались мне праздником, правила, которые Классная объясняла легко и весело. И долгие-долгие нити с потолка с нанизанными комочками ваты. Мы украшали класс, развешивали дождик, вырезали звезды и снежинки.

— А разве так бывает? — спросила я, указывая на ватные снежки под потолком.

— Бывает. Ты однажды увидишь именно такой снег, — заверила Нина Витальевна.

И обратилась к классу:

— Ребята, а какие виды снега вы знаете?

— Иней, наст, изморозь, гололедица, поземка, пороша, буран, пурга... — включились мы в новую игру.

А потом был конкурс чтецов. В пионерской комнате мне дали текст — сиреневые буквы незнакомым почерком на листочке в линейку. Мы с Ниной Витальевной начали репетировать после уроков.

— Дарья Властьевна! Соседка по квартире! — начала я.

— Ее отец Влас, там нет буквы «т» — «Дарья Власьевна», — поправила меня Нина Витальевна.

— Здесь написано через «т», — робко возразила я.

— Дай-ка мне посмотреть, — она поспешно исправила все ошибки в тексте, покачала головой. — Я просила восьмиклассников переписать, уж они расстарались!

И добавила совсем другим голосом:

— Нина, здесь нужна особая, доверительная интонация. Ты не стихи читаешь, пойми! Ты беседуешь с близким человеком. Ведь вы с соседкой в беде, вы голодаете вместе в блокадном Ленинграде. Вам трудно. Очень трудно, Нина, и ты пытаешься поддержать ее сейчас...

Мы так каждую строчку разбирали, искали интонацию... И я читала:

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтора ста суток длится бой.

Тяжелы страдания народа –
наши, Дарья Власьевна, с тобой¹...

На одной из репетиций в класс неожиданно вошла завуч. Я как раз читала:

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино...

Завуч послушала меня, заложив руки в карманы темно-коричневого костюма, и распорядилась:

— Чтой-то у вас девочка пить вино собирается? Про вино строчку уберите!

— Вы хотите, чтобы я редактировала стихи блокадницы Берггольц? — надменно поинтересовалась Нина Витальевна.

Они вышли в коридор и долго спорили за дверь. Явилась пионервожатая, изъяла мой листок с текстом, потом вернула переписанный — строфу о вине вычеркнули. Потом еще что-то добавляли, вычеркивали, меняли местами. Конечно, во время выступления я сбилась. Я и начала неверно, запнулась на отчестве, извинилась, начала заново...

После конкурса мне вручили грамоту об участии. Как же стыдно было перед Ниной Витальевной, ведь я выступала за весь наш класс!

Но Нина Витальевна меня не ругала, только спросила:

— Нина, а тебе самой кто на конкурсе понравился?

Я задумалась. Выделить кого-то одного было трудно. И классная неожиданно сказала мне:

— Ты прекрасно читала! Ты должна была быть первой. Тебе не стоило останавливаться, даже если ты начала неправильно. Это моя ошибка — мне следовало научить тебя продолжать, несмотря ни на что.

Тот разговор потряс меня до глубины души. Я читала снова и снова, я учила стихотворения классиков и современников, — помню, я тогда увлеклась Маяковским. Все чаще на разных уроках меня просили про-

¹ Ольга Берггольц «Разговор с соседкой».

честь вслух всему классу новый параграф, правило, условия задачи или отрывок из текста.

Нина Витальевна, «Наша Нина», как мы ее называли, была для меня главным человеком во всей школе. Она нас принимала как своих, доверяла, могла дать ключ от квартиры и послать к себе — принести забытую вещь. Она и жила через дорогу от школы. Гостей она любила, и словно всякий час ждала. И мы регулярно приходили к ней почти всем классом. В маленькой квартире было уютно и чисто. На стенах висели потемневшие портреты суровых крестьян — предки Нашей Нины. Светлые портреты улыбающихся малышей — это внуки, «потомки», как она сама говорила. Домотканые пестрые дорожки — половички. Жостовский поднос с алыми цветами. Самовар и оранжевые чашки в горошек. На письменном столе салатные пачки наших тетрадок. И книги, сотни, тысячи книг повсюду от пола до потолка!

Через год после моего провального выступления мы снова готовились к конкурсу чтецов. Нина Витальевна нашла материал — литературно-драматическую композицию о подвиге Александра Матросова. Там были и стихи, и проза, и воспоминания фронтовых товарищей героя. Готовили мы это силами «сборной». Лучшие чтецы старших классов получили задание защитить честь школы на городском смотре-конкурсе. Так странно — своих слов не помню, а помню текст ребят, что читали до меня и после...

Наше выступление имело успех. Мы объездили несколько школ города, как настоящие гастролеры. В День Победы нас пригласили выступить перед ветеранами в кинотеатре «Родина». Помню, нам вручили цветы, а мы в едином порыве преподнесли букеты фронтовикам, сидевшим в первом ряду.

После выступления наша «сборная» слонялась по кинотеатру. Мы обнаружили какой-то зальчик с роялем и принялись дурачиться. Но сосредоточенный мальчик из седьмого класса не дал нам портить инструмент, ловко всех разогнал и заиграл красивую мелодию «АББА» — я потом узнала, он сам подобрал...

— Как Павлин шпарит! — донеслось до меня.

— Да! Горюнов может!

Так я и узнала, что Павел Горюнов учится в седьмом классе нашей школы, на год старше меня. Тут нас вызвали на сцену и наградили вымпелом и грамотой. Мы так радовались, что всю дорогу в автобусе пели: «Барабан был плох, барабанщик — бог!»

Да, была весна, когда мы просто одурели от яркого солнца и изнывали в душных классах. И Нина Витальевна вдруг скомандовала: «Все идем во двор!». И на уроках литературы мы уходили на школьный стадион и учились играть в лапту, Наша Нина нас учила.

— Как же так? — удивилась завуч.

— Согласно учебному плану — отвечала Наша Нина невозмутимо. — Изучаем Некрасова. «Ознакомление с бытом русского крестьянства».

А в восьмом классе шефы нам подарили телевизор. Нина Витальевна включила его еще на перемене и попросила всех смотреть очень внимательно:

— Это очень важно! Вы однажды вспомните и поймете, ребята!

И мы смотрели утренний повтор вчерашнего взрослого фильма «Дни Турбиных», и вдруг заметили, что у Нашей Нины прическа, как у главной героини Елены...

А спустя два месяца пришло письмо, когда я уже не ждала его.

«Милая, дорогая моя девочка. Твое письмо получила моя сестра, и лишь сегодня она переслала его мне. И вот теперь я могу общаться с тобой всегда. Мне всегда хотелось найти тебя и поговорить, даже попросить прощения — сама знаешь за что. Прости меня, я тебя люблю и всегда помню. Я теперь иностранка: живу в Риге, рядом с моими внуками. У меня их трое: Яшка — сын Михаила, и двое Пашиных детей... Нина, Паши нет уже десять лет. Даст Бог, когда-нибудь ты приедешь ко мне в Ригу. Привет всем твоим. Нина Витальевна».

Я сидела над этим письмом и не находила слов для ответа. Я пыталась снова и снова, но слова не складывались в предложения, все было не так, не то, не о том... И что, что ей сказать? Она ждет, что я напишу, что любила Пашку все эти годы? Да я лица его не помню, только темный силуэт в конце школьного коридора! И не вспоминала... сколько? двадцать пять лет не вспоминала. Двадцать пять — это же целая жизнь!

Я вдруг догадалась, что классная ищет объяснение гибели сына в том давнем запрете и хочет повиниться хотя бы сейчас, когда уже ничего не поправишь. И как ей сказать, что любви запредельной не было, но была дружба и душевное единение. Не было между нами ни слов, ни признаний, и лица его я не помню, только волосы темные. А она ждет...

Я навесила на себя сотню дел, отложенных в самый долгий ящик, но мысли не отступали, воспоминания сменились горькой досадой. Вдруг вспомнилось, как я вышла из комнаты Пашки, столкнулась с классной в узком коридоре их квартиры, поздоровалась, и Нина Витальевна сказала:

— Не приходи к нам больше!

Или нет, не так:

— Ты больше к нам не приходи.

И все. Больше не было ничего. Ничего. Вот этой фразой, сказанной вскользь в коридоре, закончилось мое детство, и казалось, что все вокруг это знают.

Коричневое платье сменилось строгим синим костюмом, медные локоны были зачесаны назад и стянуты в тугий узел на затылке, глаза заслонены стеклами очков. Это были обыкновенные стекла, и все же они загораживали от мира. Потом наши классные часы стала проводить училка труда, скучная, бесцветная, никакая. Надо же, не помню, как звали ее, помню только, что варили варенье из яблок, и она учила перебирать крупу... Потом все в классе бились за оценки в аттестате, думали о поступлении, писали «бомбы». В школу ходила, как на постылую работу...

Надо же, я даже лица Его не помню. Не помню! Помню, свой стыд, что она, Нина Витальевна, могла подумать обо мне плохо, а значит, могла поверить в те гадкие слова, что однажды появились рядом с моей фамилией на стенде литературного кружка. Кто это написал, так и осталось загадкой. А может, потому она и запретила... Неужели поверила?!

Задыхаясь от стыда и горечи, помню, впервые солгала на уроке, что мне плохо, отпросилась в медпункт, а сама пошла к стенду, и вырвала половину своей фамилии и те грязные слова, которыми заклеили незаслуженно. И никому не сказала, даже маме. Стало бы еще хуже. Моя мама непременно сказала бы, что о порядочных девочках такого не пишут, и причину стоит искать в себе...

Эх, мама, как же ты заблуждалась! Пишут о всяких, причем о недопустимых — гораздо чаще. И повода особого не нужно, и на чужой роток не накинешь платок. Это был первый плевок социума, и я пережила, утерлась, как говорится. Даже проще стало. Чужие слова я пропускала мимо ушей, зная им цену. Людей старалась принимать по их делам, без учета характеристик «с места работы». И еще перестала стараться всем угодить. Просто жила.

Что же ей написать? Написать, что знаю о смерти Пашки уже давно, знаю со слов Оксанки, и эта новость навсегда прервала наше с ней многолетнее общение. Оксанка была единственной из всей школы, с кем я поддерживала связь. Она ежегодно присылала мне две открытки — на Рождество и к моему дню рождения. Иногда к открытке прилагалось письмо с последними новостями о наших одноклассниках.

Именно Оксанка позвонила однажды под Новый год и среди десятка сплетен-новостей сообщила: «А у Нины нашей Витальевны сын погиб два года назад. Прикинь, они в Ригу переехали, а там гражданство не дали. Негры вы — и все тут!»

В первый момент меня разозлило это странное слово — «негры²», но через секунду я вспомнила, что в Прибалтике это означает «неграждане», а уж потом меня сдавило ужасом от осознание того, как же тяжело там приходится ей, нашей Нине — учителю русского языка и литературы.

— Они переехали? — растерянно переспросила я.

— А ты не знала? Муж у Нашей Нины был из Латвии, поехали за престарелой свекровью ухаживать, да и остались на свою голову. Сын все мечтал жить, как в Европе. Свекровь умерла, а за ней муж умер скоропостижно, а потом сын. Представляешь? Он вдруг подумал, что отец умер из-за него! Ну, по его вине как бы, — и руки на себя наложил...

И тут меня словно взорвало изнутри:

— Откуда ты знаешь, что именно он думал?! Он тебе лично это говорил?

— Нет, не мне... — замялась Оксанка.

— А кому говорил?

— Не знаю...

— Записку оставлял? Письмо?

— Я не знаю! — Оксанка что-то лепетала о злой доле нашей классной, о том, что фамилия говорящая, вот горе всю жизнь и мыкает, и сын непутевый, и не зря его Алька бросила...

Я взмолилась:

— Не надо о Паше так, и в таких словах, и тем более теперь...

— А тебе-то что до того Пашки? — огрызнулась Оксанка.

— Мы с Пашей дружили...

— Что? Вы с Павлином? Ходили?! — тон у Оксанки сменился.

— Оксана, мы дружили, только дружили, понимаешь?

— Дружили они... — засмеялась Оксанка. — Ладно, мы уже взрослые бабы, признавайся! Было у вас, ну, «это»? — Оксанка произнесла последнее слово с особым ударением.

— Я уже все сказала.

— Ох, и скрытная ты, Нинка! Знаю тебя с первого класса, и оказывается, что ты такое скрывала! А Наша Нина знала про вас? Ты же могла стать второй Горюновой! Ой, ты же Витальевна, Нинка!

— Я не планировала стать Горюновой, — я еле сдерживалась, чтобы не бросить трубку.

² После распада СССР власти Латвии и Эстонии фактически разделили людей на два сорта: граждане — представители титульной нации, и неграждане — представители славянских национальных меньшинств: русские, белорусы, украинцы, и даже поляки. Неграждан часто называют «негры».

— Какая новость! Этого же никто пока не знает! — Оксанку буквально распирало от информации.

— Прошу тебя, не говори ты об этом никому! Пожалей Нину Витальевну!

— Ладно, честное пионерское, красная звезда! А ты тоже... скрывала все... Про Пашку молчала... Потом свою свадьбу зажала, не пригласила!.. Ну, и ладно, хорошо, что ты его бросила, как Алька! Иначе бы овдовела...

И зачем только Оксана про Альку мне напомнила! Именно Алька, а точнее, Алевтина Великанова считалась официальной подругой Паши. Альку всегда ставили в пример. Она была образцовая, правильная. Говорила с детскими капризными интонациями. До восьмого класса зимой носила меховую детскую шапочку с завязками под подбородком. А в самом начале девятого класса всю школу облетел слух, что Алька бросила Пашку и стала встречаться с недавним выпускником Олегом Тихоновым.

«Олег серьезный, он будет хорошим мужем», — деловито объясняла нам свой выбор Алька. «Не рановато ли?» — изумлялись мы. «А мы в Харьков поедем на каникулах. Там с шестнадцати лет жениться можно».

Меня оглушило это предательство, точнее, его нарочитая публичность. И тогда было мерзко на душе, и теперь хотелось об этом забыть!

От телефонного разговора с Оксаной остался тягостный осадок. Тошно было думать, что смерть Паши обрастает слухами и домыслами, а теперь и я, выходит, подлила масла в огонь... Нет, я не плакала, я была раздавлена этой вестью и не могла поверить, да и не хотела. Даже вздохнула с облегчением, что узнала об этом так поздно — спустя два года...

После школы я уехала в Москву — сбежала от своей прежней жизни и от прозвища «Рыжая-бесстыжая». Первым делом поехала в Педагогический институт имени Н. К. Крупской, но документы у меня не взяли: там не было общежития для иногородних. Я отправилась в парикмахерскую и сделала короткую стрижку под мальчика — «лишь одно колечко рыжее на виске ее дрожит³», как пел Окуджава с маминой пластинки. Ткнула пальцем в справочник абитуриента, открытый на случайной странице, — и выбор пал на МИСИ. Поступила, отучилась, уехала по распределению. Вот и вся история. А снег, и правда, иногда шел такими комочками-хлопьями, казалось, свисают долгие-долгие нити с небес, снежными стежками сшивая небо и землю...

Что же ей написать? Что между мной и Пашей ничего не было, и зря она боялась, и мы — не Ромео с Джульеттой... А может это ее расстро-

³ Строка из «Песенки о комсомольской богине» Булата Окуджавы.

ит еще больше. Боже мой, что написать? *«Я не сержусь на вас. Вам не за что передо мной извиняться и просить прощения...»* К своим сорока двум годам я не раз убеждалась, что такие фразы не утешают, когда ты повинился, напротив, делают еще больше. Что ж так тяжело на сердце?

...Сын-подросток заявил с порога:

— Ма, я буду поздно!

— Ты не спрашиваешь, ты ставишь перед фактом! — волна раздражения окатила изнутри.

Сын ушел, хлопнув дверью. Захотелось броситься на диван, зарыться в подушки и выть, как когда-то давно в девятом классе под «Наутилус»: «В комнате с белым потолком с правом на надежду...⁴».

Слезы душили и обжигали щеки. Самые горькие слезы в пятнадцать или в сорок два? Я плачу или уже смеюсь, и не могу остановиться... Проклятая жизнь, почему так больно? Как это можно вынести? Как матери такое пережить? И какими написать словами? «Я вам сочувствую. Соболезную» — не то, не так. Избитые слова, пустые. Я не могу написать об этом, не могу. Умыться ледяной водой, смыть все... Только не смотреть на свое отражение в зеркале. Не смотреть...

Она просто запретила мне приходить, а теперь надеется на встречу. А я даже не могу вспомнить десятый класс, где учился Пашка. И его не помню! Помню его текст на выступлении, он читал от имени Александра Матросова:

Теперь уж скоро.

Осталось только метров сорок,
не оглядываюсь, догадываюсь.

Стучат у ребят сердца,
но я доползу до самого конца...

Отставить атаку! Следите все за мной!

Я подниму роту вперед!

А потом нас высадили на перекрестке из автобуса и послали отнести реквизит в школу. Как-то незаметно оказалось, что Паша держит меня за руку. Это было такое несказанное счастье! Мы шли и улыбались. А вокруг все искрилось. Но какой снег может быть в мае месяце? Помню, клейкие листочки тополей и все искрится... Весна была ранняя. А потом в конце учебного года девочки начали отрезать косы, делали новомодную стрижку «парижский воробей», осветлили челки. И наша Нина мне сказала:

— Ты только не додумайся стать как все! Не иди со стадом!

⁴ Песня группы «Наутилус Помпилиус» «Я хочу быть с тобой».

В тот год мы готовили спектакль о Зое Космодемьянской. Я ежедневно репетировала, читала монолог в своей комнате. Мама зажимала уши. Я не могла понять, почему.

Мы выступали в пионерской форме. Перед сценой казни ребята выстроились полукругом, а я медленно двигалась вдоль них, обращаясь к зрительному залу:

Жить... Потом не жить... Что это значит?
Видеть день... Потом не видеть дня...
Это как? Зачем старуха плачет?
Кто ее обидел? Жаль меня?
Почему ей жаль меня?
Не будет ни земли, ни боли...
Слово «жить»...
Будет свет, и снег, и эти люди.
Будет все как есть
Не может быть!
Если мимо виселицы прямо
Все идти к востоку — там Москва.
Если очень громко крикнуть: «мама»!
Люди смотрят. Есть еще слова...
Граждане, не стойте, не смотрите.
(Я живая, голос мой звучит.)
Убивайте их, травите, жгите!
Я умру, но правда победит!⁵

Завершающие слова читали другие ребята. Зал замер. Казалось, никто не дышал, словно и не слышали, что спектакль закончен. Несколько тягостных мгновений тугой тишины вдруг взорвались аплодисментами. Люди вставали, ветераны войны кланялись Нине Витальевне. Это был наш триумф!

С тех пор мы с Пашкой были неразлучны. Играли на фортепьяно в четыре руки, вздох обсуждали книги, слушали «Наутилус».

«Не приходи!» Неужели мы просто проглотили это? «Не приходи!» — и я больше не пришла? По коридору школы ходила и не здоровалась с ним? Нет, здоровалась. Мы не обсуждали этот запрет или обсуждали? Как странно, не помню. Помню, Нина Витальевна ушла на больничный, ее забрали в больницу на два месяца. Потом пришла молоденькая учительница литературы, да так и осталась вести до выпускного. Нина Витальевна вернулась в школу, но мы с ней больше и не поговорили толком.

⁵ Отрывок из поэмы «Зоя» Маргариты Алигер.

Она словно и не видела меня. На выпускной вечер ее не пригласили. Никто не догадался пригласить.

А с Пашкой мы говорили. Да! Говорили! На уроке встретились в пустом школьном коридоре.

— Мать запретила тебе приходить, — сказал он. — Я не хочу ее обманывать.

— И я не хочу, — поддержала я.

И тут же Пашка хватает меня за руку и увлекает за собой по коридору. Мы сворачиваем на боковую школьную лестницу и идем вниз до первого этажа. Тут расположен кабинет директора — школьники не задерживались, замолкали, прибавляли шаг. Мы доходим до нижней площадки и устремляемся под лестницу, там еще пять ступеней вниз и дверь в подвал...

И у этой двери ты обнимаешь меня, наконец, и я прижимаюсь к тебе, словно хочу удержать, укрыть, защитить... или защититься? Мы долго смотрим друг на друга, и глаза у тебя синие-синие, и объятие наше длится целую вечность. И ты целуешь меня, и я отвечаю на твой поцелуй. Ты такой высокий, сильный. От тебя пахнет табаком и корицей почему-то. И надо разжать руки и отпустить тебя, и я отпускаю, и бросаюсь вверх по лестнице. А через несколько секунд ты отправишься в другую сторону — прямо по коридору. И, словно почуяв, что я замерла на площадке между этажами, ты внезапно обернешься и махнешь мне рукой. Чтобы я навсегда запомнила тебя: живого, синеглазого. Чтобы ты жил в моей памяти, Пашка!

Я села за компьютер и начала писать письмо:

«Дорогая Нина Витальевна! Я не держу на Вас зла. Я давно Вас простила...»